

Я вышел на лестничную площадку и закрыл дверь. Стойкий неприятный запах пролётом ниже резко усиливался. По ступеням стекала ядовито-жёлтая жижа, валялся кроссовок. У подъезда я увидел скорую с открытой дверью: крепкий мужчина в белом халате раздавал пощёчины лежащему на носилках молодому человеку.

Много лет назад моя мама наградила меня сильнейшей оплеухой. Началось это так: дворовые приятели суетились вокруг странной женщины лет сорока. Она была пугающе неприглядна. Её безобразие ничего не могло исправить. Всё увиденное мной сказочное телевизионное уродство было несравнимо с её страшной внешностью. Женщина была маленького роста, коренастая, с огромным горбом, длинным носом, гигантским ртом, широкими белыми зубами, пухлыми напяржёнными губами, маленькими смеющимися глазами, наипротивнейшим голосом. Карлица постоянно жалобно причитала, у неё были длинные руки и короткие толстенные ноги. И как бы она ни вопрошала о помощи, она была опасна. С жуткой гримасой горбунья неуклюже скакала и размахивала старомодной сумкой, пытаясь ударить хоть кого-нибудь из моих товарищей. Ребята кидались в неё маленькими камешками и с хохотом наперебой выкрикивали:

— Танечка, Танечка, Танечка-дурочка.

Она свирепела на глазах и с пеной вокруг рта бросалась на детвору. В тот миг я желал никогда с ней больше не видеться, моё омерзение было так велико, что мне даже не хотелось взять камень и запустить в неё, но я поддался общему настроению и тихонько заголосил:

— Танечка, Танечка, Танечка-дурочка...

Через минуту я поймал строгий взгляд матери. Она приказала сквозь зубы:

— Подойди ко мне.

Как только я подошёл к ней—получил сокрушительный удар по щеке, у меня на мгновение потемнело в глазах, чуть повело в сторону. К нам подбежала Танечка и прокричала моей маме:

— Во, Ир, правильно ты его, давай ещё, давай, они меня обижают.

И все-все вокруг меня хохотали: Танечка, друзья, а рядом с мамой стояла наша соседка тётя Шура, которая подозвала своего внука, моего

закадычного друга Андрея, и врзала ему ещё сильнее. Ребята замолчали, только Танечка продолжала всё противнее смеяться и приговаривать: — Так их, тётя Шура! Так их, Ира! Они все, все меня обижают.

Нас загнали домой.

Никто не слышал моих оправданий, слёзы не помогали, вдогонку я получил ещё удар по затылку, сразу ощутил тяжесть обручального кольца мамы. Андрей тоже не был забыт тётей Шурой. В подъезде мама не унималась:

— Подонок! Все каникулы дома сидеть будешь! Не плачь, какой из тебя тогда мужик!

Женщины не останавливались. Тётя Шура пообещала вечернюю порку ремнём Андрею, он должен был только дожидаться возвращения с работы отца. В тот день я так и не понял, что произошло, но усвоил, что дразнить карлицу Таню нельзя.

Первое время, заметив Таню, которая, как правило, появлялась со своей мамой, я прятался—от своего стыда и её уродства. Но прошло время. Как-то зимним днём она неожиданно подошла ко мне сама, улыбнулась и, глядя на меня, сказала своей матери:

— Это Саша, мама! Это Саша, Ирин сын...

Странно: её тягучий и писклявый голос уже не резал мне ухо. Конечно, своей улыбочкой она всё ещё напоминала мне Щелкунчика. Смущённо я приветствовал эту двоицу улыбчивым кивком. Вскоре мы все стали уважительно относиться к Тане. Непонятно, откуда взялась эта терпимость к ужасной и беспечной горбунье.

Незадолго до окончания школы, стоя у моего подъезда всё той же компанией, мы вновь увидели маленькое семейство. Было утро девятого мая. Из подъезда появилась Таня, за ней её мама. Мы внимательно смотрели на Танину маму—пожилую, сгорбленную, но крепкую женщину. Её лицо показалось нам прекрасным. Массивные старинные серьги подчёркивали некую благородную надменность, на её груди сияли ордена Ленина, Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны первой степени, я успел разглядеть только несколько медалей: «За отвагу», «За оборону Москвы», «За боевые заслуги», «За освобождение Белоруссии», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

Впереди отважной женщины шла гордая Таня, она весело приговаривала:

— Это моя мама.

Когда они прошли мимо, все мы вытянулись, как в строю.

Потом по обрывчатым рассказам родителей мы установили, что мама нашей блаженной пугалицы была подполковником военной разведки, дошла до Берлина. На фронте эта благородная женщина встретила любовь, они служили вместе. Весной 1945 года бритоголовые подростки из гитлерюгенда¹ обстреляли «Виллис», в котором ехала счастливая пара победителей. Танин отец погиб, мама была на седьмом месяце беременности, она чудом уцелела, одна из пятерых, ехавших в машине. Рожала она Таню сразу после выстрела немецкого мальчика из фаустпатрона², будучи в бессознательном состоянии у горящего автомобиля. Роженицу подобрали подросшие советские воины. Родившись в победоносном мае сорок пятого, Таня была обречена стать калекой.

Двоём они встретили двадцать первый век. Всё менялось, менялся и наш Ленинский проспект. Был построен новый подземный переход, именно в нём нашли Танину маму. Какой-то выродок ударил девяностолетнюю старуху ножом под лопатку, забрал у неё кошелек и попытался вырвать старинные серьги.

Помню, как увозили осиротевшую Таню. Этот шестидесятилетний ребёнок был в замешательстве. Впервые она не видела так долго маму, всё изумлённо спрашивала соседей и санитаров психиатрической больницы:

— А где мама? Где мама моя?

Врач отвечал ей:

— Мама тебя ждёт, к ней мы и едем, скоро вы будете вместе.

Таня на мгновение успокаивалась, кривилась, а потом вновь начинала голосить, сопротивляться, а напоследок выкрикнула:

— Где моя мама? Где? Её нет! Нет мамы моей!

Так её и увезли.

Через омертвелое многолюдье ко мне пробирался один из дворовых знакомцев, Танин сосед, он был лет на пять моложе меня. Я хорошо знал этого приземистого, сильно пьющего каратиста. За год до убийства Таниной мамы умерла и его бабушка, которую я хорошо помнил, для меня

она была олицетворением женской беспощадности. Мне казалось, что её лицо лишено мимики. Эта женщина была похожа на кладбищенское ка-менное изваяние в движении, во дворе она появлялась редко. Впоследствии я узнал, что она работала врачом на Лубянке, а её муж, председатель нашего домового комитета, был водителем «чёрного ворона».

Хмурый крепыш в спортивном костюме подошёл, пожал руку, посмотрел мне в глаза и прокричал:

— Вот как бывает, правда, Саш?

Я заметил на его шее широкую золотую цепь с резным крестом, браслет из крупных звеньев на запястье и перстень с драгоценным камнем безымянном пальце.

Минутой позже к нам подошли два его друга. Я частенько встречал это трио любителей нацистской символики поздними вечерами или ночью в районе Андреевской набережной или Нескучного сада. Не знаю, что нашло на меня в тот момент, но я отчётливо помнил мамину пощёчину, сквозь зубы я протянул:

— Если я когда-нибудь узнаю, кто это сделал, лучше этому человеку захлебнуться в собственной блевотине...

Я почувствовал запах табака за спиной. Это был Андрей.

Мы разошлись.

Крепыш дважды заходил ко мне—на девятый день и на сороковой. В первый раз он был напуган, его трясло с тяжелейшего перепоя, он заговаривался, желания общаться не было никакого. Золотых украшений на нём не было.

Во второй его приход картина повторилась, только выглядел он ещё хуже. Он продал свою квартиру за год до убийства мамы Тани и где обитал, было непонятно.

Вспоминания оставили меня.

Из скорой помощи вышел врач, он опустил руки, закурил. Открылась вторая дверца медицинского автомобиля. Я увидел обезображенное смертью лицо бритоголового крепыша, с его ноги чуть слышно свалился второй кроссовок.

Я вдруг вспомнил, что сегодня годовщина смерти убиенной.

— Асфиксия в результате аспирации рвотными массами,—буднично констатировал реаниматолог.

.....

1. Гитлерюгенд (нем. *Hitler-Jugend*, старая орфография *Hitlerjugend*, сокращение *HJ*)—молодёжная организация национал-социалистической партии Германии. Членами союза были только юноши, для девушек существовал отдельный союз—«Союз немецких девушек».

2. Фаустпатрон (нем. *Faustpatrone*, от *Faust*—«кулак» (здесь «рука») и *Patrone*—«патрон»)—первый противотанковый гранатомёт одноразового действия.